



ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

О полковых храмах Русской гвардии, о памятниках и некрополях Первой мировой войны, называемой «Великой войной», которые могли бы сохраниться в Санкт-Петербурге, с церковным историком, заместителем председателя Санкт-Петербургского Митрофаньевского союза, занимающегося сохранением исторических храмов и кладбищ города и области, Ильёй Поповым беседует Ольга Никитина.

— Если бы не революция и последовавшие за ней десятилетия, которые принято во времена СССР считать историей, а всё, что до — «предысторией», несомненно, Санкт-Петербург предстал бы сейчас едва ли не самым главным в России хранителем памяти о жертвах Первой мировой войны, — о героях и мучениках, офицерах, нижних чинах, павших на полях сражений, погребённых на кладбищах и в склепах столицы. Но мы были лишены не только памяти о героях, о трагической и славной странице русской истории, мы лишились также и всего городского некрополя Великой войны.

— Такая безотрадная картина? Но в последние годы достаточно часты сообщения о реставрации, восстановлении захоронений участников войны, поклонных крестов на месте разрушенных полковых храмов и даже памятников.

— Другой она и не может быть. Занимаясь темой более двадцати лет, я могу представить общую картину. Обозначим для начала, что Санкт-Петербург как имперская и военная столица был городом, где располагались полки гвардии и полки армии, которые принимали участие в войне. Тем более, если рассматривать большой Петербург, т. е. в границах Царского Села, Петергофа, Павловска, Стрельны, и, конечно, Красного Села как летней военной столицы — тут огромное средоточие памятных мест, связанных с дислокацией полков. Эти места в основном и стали на краткое время мемориалами Великой войны и сохранились бы до наших времён, но история судила иначе...



Ольга Никитина
журналист

По сравнению с войнами XIX века, это была другая война, — невиданная до тех пор массовая и изощрённая жестокость и гекатомбы жертв. Огромные потери неслла петербургская гвардия в Холмской Руси, в Царстве Польском, в районе городов Люблин, Красностав, Холм (ныне Хелм), под Варшавой и в Галиции, когда была Галицийская битва наступления (1914) и отступления (1915), когда дошли практически до Кракова. Потом была Горлицкая операция и отступление войск, взятие Львова и сдача Львова, взятие Перемышля весной (март 1915). Тяжёлые позиционные бои опять же на территории Польши, большие бои на Стоходе (1915–1916), бои в Белоруссии, под Барановичами, под Сновом и Несвижем, немецкое наступление в районе Вильно. Оно коснулось, например, боёв под Нарочью, Молодечно (районы Белоруссии). Бои проходили на территории Латвии, сначала в Курляндии, на подступах к Риге и вдоль Западной Двины. Фронт стоял практически до осени 1917 года... Вся гвардия ушла из Петербурга на фронт, и практически вся русская гвардия погибла в первые годы войны. Возвращалась она в Петербург уже для вечного упокоения.



Илья Попов
церковный историк

— *Первых погибших хоронили на кладбищах города? Ведь ещё не было специальных кладбищ?*

— И на городских кладбищах, в том числе. Немало погибших доставляли и в Москву, там создавалось Братское кладбище героев Великой войны, опекала его представительница Царской фамилии Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна. В Петербурге такое кладбище возникло даже раньше. Оно было устроено в Царском Селе. Необходимость создания его возникла уже к осени 1914 года, к этому времени старый воинский участок оказался заполненным. На новом месте, по инициативе Царской семьи, ближе к колокольне (расположенной на кладбище западнее Казанской церкви) возникает уголок героев или Братское кладбище героев Первой мировой войны. Там строится церковь во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» по проекту архитектора С. Ю. Сидорчука. Он занимался строительством в Царском Селе ещё в довоенные годы. Во время войны осуществлял ряд проектов, в частности, Свято-Серафимовского убежища для увечных воинов под патронажем А. А. Вырубовой (Танеевой), церкви Прп. Серафима Саровского, в стенах которой был погребён в декабре 1916 года Григорий Распутин. Она была полностью разрушена, а место захоронения Распутина неточно отмечено крестом, примерно в двухстах метрах от реального захоронения.

Все городские кладбища становились местом погребения как офицеров, так и нижних чинов, тела которых прибывали в город с полей сражений. Хоронили на Успенском (ныне — Северное) кладбище. Очень много захоронений было на Преображенском кладбище (ныне — 9-го января), там был отведён большой участок для братских захоронений, но, вернее всего, он полностью уничтожен. Хоронили на Никольском кладбище Лавры, на Серафимовском, на Большеохтинском и, возможно, на Малоохтинском кладбищах, на Громовском старообрядческом. На последнем захоронено несколько человек, но могилы пока не найдены. Наверняка и в Сергиевой пустыни мы найдем захоронения Великой войны. На небольшом кладбище Иоанновского женского монастыря (до революции там было не более пяти могил), расположенном во дворе, сохранилось одно военное захоронение. Были захоронения и в имениях, к примеру, в Вартемяги, принадлежавшем П. П. Шувалову (погиб в Гражданскую войну и похоронен в ограде Павловского собора в Гатчине), тоже были похоронены офицеры.

— *То есть до сего дня мы не имеем полного представления о числе сохранившихся захоронений войны, но знаем, где могут быть такие могилы и что эти могилы по большей части не сохранились?*

— Абсолютно верно. Надо только уточнить, что наиболее полная и точная информация у нас всё же возникает там, где кто-либо берёт на себя добровольный труд изучения захоронений. К примеру, такую работу на Смоленском кладбище активно ведёт историк Николай Владимирович Родин, он проработал архивы и метрические книги соответствующего периода. К нему подключились Вячеслав Юрьевич Савицкий, отыскивавший более 150-ти памятников, и члены движения «Белое Дело». Они восстановили памятник за памятником сначала на участке кадетских корпусов и военных училищ, затем стали заниматься захоронениями Великой войны. Всё это делается на личные средства. К примеру, на средства семьи Родиных, их знакомых и единомышленников были проведены достаточно серьёзные работы по восстановлению памятников на могилах подполковника П. А. Тищинского и подпоручика Б. Н. Лоренсцова.

— *Можете ли назвать кладбище, где всё идёт хорошо, где есть поддержка городских властей в работе добровольцев?*

— В первую очередь назову Братское кладбище в Царском Селе. Хотя там до идеала ещё очень и очень далеко. Но там уже окончательно пройдены периоды равнодушия, недоверия, нежелания даже и думать о восстановлении кладбища. Ещё совсем недавно на могилах героев местные жители... сажали картошку. Их нисколько не смущало, что картошка растёт на костях. Привожу этот широко известный факт, чтобы показать, каковы

перемены. Конечно, там ещё многое предстоит сделать и планы огромные. Но решительно изменилось общее отношение к возрождающемуся мемориалу. Теперь в международный день памяти Первой мировой войны почтить героев на кладбище собираются чуть ли не все царскоселы. Князь И. Шаховской привозит французскую дипломатическую миссию, администрация города — неперенный участник таких торжеств, как и руководители профильных комитетов Смольного. Ещё недавно и представить себе такое было невозможно. И это даёт надежду, что и все дальнейшие планы вполне реальны.

— *Из городских некрополей какой можете назвать?*

— Наиболее оптимистическая обстановка на Митрофаньевском кладбище. Там тоже проработаны архивы, алфавитный список погребённых Митрофаньевского кладбища, выявлены имена сорока погребённых офицеров, установлено место нахождения могил, т. е. имеется полное представление о захоронениях. Это единственное пока кладбище, по которому есть полная информация. Митрофаньевское — из старейших кладбищ, одно из самых больших в городе после Смоленского (православного и лютеранского), основано в 1831-м году первоначально как холерное. Затем шла прирезка участков, в нынешних своих границах кладбище сформировалось к 1870-м годам. Оно первым попадает под удар в советское время. Закрытие для захоронений по причине «переполнения» (1927) и дальнейшее его уничтожение инициировал С. М. Киров. Это был его район, тогда Нарвский, сейчас Кировский. Его очень раздражало обилие богомольцев, особенно в день св. Митрофана Воронежского. В этот день на кладбище прибывало разом до ста тысяч горожан. Перед революцией предполагалось для удобства посетителей кладбища провести к нему линию трамвая.

Нарвский район во всём был «передовым» — в нём также первыми «зачистили» всё духовенство по контуру Путиловского завода и в его окрестностях. Оно было почти полностью репрессировано и расстреляно в основном в течение 1918–1919 годов. Путиловский завод, крупнейший в России, в период Первой мировой войны резко



Церковь во имя Св. Николая
и Св. мученицы Царицы Александры
(Путиловская)

увеличился количественно, почти на две трети, в основном за счёт рабочих с уральских заводов. Они были достаточно революционно и пробольшевистски настроены. Занимался набором квалифицированных рабочих большевистский комитет по главе с М. И. Калининым, который ещё до революции, в 1906-м году, отказался сдавать деньги на строительство заводского храма. Кстати, так случилось, что в одном приходе был и Калинин и дед первого космонавта Юрия Гагарина. Вот такое стечение обстоятельств...

Путиловский храм был огромным, он вмещал до 2-х тысяч человек разом. В архивных документах есть свидетельства, что в связи с таким наплывом рабочих семей литургия в храме на Рождество и Пасху служилась трижды на трёх престолах: была первая ранняя, вторая ранняя и поздняя литургии. Получалось, что в день праздника в храме бывало до 6-ти тысяч человек. Всего на заводе работало 10 тысяч человек, малая часть предпочитала бывать в праздники в небольших окрестных храмах, но значительная часть рабочих уже поддавалась атеистической пропаганде большевиков.

К 1917-му году создалось особенно напряжённое противостояние между церковной частью населения и большевистской ячейкой завода. В итоге ячейка вступила в прямой конфликт с духовенством. И тогда начались аресты, зачистки, расстрелы. Проходило это прямо в Шереметьевском парке около Ульянки, потом на дамбе (Турухтанные острова). Был расстрелян весь причт Екатерингофской церкви во главе с протоиереем Александром Васильевым, духовником царской семьи и царских детей; священник храма на Красненьком кладбище о. Вячеслав Силин, протоиерей Каминский с Митрофаньевского кладбища; протоиерей Иоанн Еленевский, служивший в церкви при Николаевском кавалерийском училище; иеромонах Василий Пылаев с Бежецкого подворья на Измайловских ротах; о. Павел Яценко из Никольского храма Волынкиной деревни. Вся округа была уничтожена. И, конечно же, весь причт Путиловского храма.

В 1929-м году продолжилась расправа над кладбищем. По приказу Кирова снесены все кладбищенские церкви — четыре православных, две старообрядческих и лютеранская часовня. Это был год «великого перелома», по всему городу начался снос церквей. В следующем, 1930-м, началась активная фаза уничтожения памятников. Во время Второй мировой войны было не до этого, продолжили уничтожение кладбища в 1950–1960-е годы. Тогда кладбище окончательно добились (как и все городские), а позднее превратили в хозяйственную территорию, на которой стоят разные склады, базируются многочисленные арендаторы. При проведении работ по расширению шоссе и устройстве газонов вдоль него как раз и пострадало множество захоронений Первой мировой войны. Но, несмотря на всё это, мы считаем возможным говорить о восстановлении мемориального парка.

— *Вы говорите, что знаете все имена погибших в Первую мировую войну и похороненных на Митрофаньевском кладбище. Речь идёт, конечно же, о списках Юрия Ивановича Балабанова? Или есть другие источники?*

— О списках Юрия Ивановича в первую очередь. Основополагающим в наших поисках надо считать военно-исторический архив в Лефортово (Москва). Там и схемы есть, и, наверняка, иллюстрации. Но к этим архивам мы ещё не приступали, за исключением единичных исследований. Мы поработали с архивом Сената и Синода, с архивом на Варфоломеевской по теме закрытия церквей и разорения кладбищ. Просмотрели Государственный архив Финляндии. Кстати, в Гельсингфорсе сохранился некрополь офицеров, жертв революционного выступления в феврале-марте 1917-го года, но это уже период Гражданской войны. А труды Юрия Ивановича Балабанова для всех исследователей городских захоронений Первой мировой войны стали базовыми. В 1980–1990-е годы он проработал подшивки газет «Новое время» за 1914–1917-е годы, т. е. за все годы войны, и составил огромный список имён офицеров, погребённых в некрополях Петербурга. Это шесть тетрадей по сто страниц каждая, заполненных мелким убористым почерком. Они являются подробнейшим мартирологом Великой войны. Юрий Иванович по логике вещей обратился к доступному и весьма информативному источнику — газетным сообщениям о смерти, отпевании, похоронах погибших героев. Каждый день в течение многих лет он приезжал в читальный зал на Фонтанке, получал доступ к подшивкам газет, методично их пролистывал и записывал все упоминания о судьбе погибшего. И это было очень важно, нередко сообщения о месте захоронения менялись, уточнялись сведения о дне гибели. Такие уточнения черпались из объявлений о панихиде на третий, девятый и годовую день. Кроме этого, Юрий Иванович сделал немало пометок и сносок, которые дают представление о численности и географии захоронений. Подобную работу мог проделать только очень внимательный исследователь. За годы этого исследования он потерял здоровье, у него случился инсульт, потом инфаркт, тетради свои он передал мне, я их храню, способствую по мере сил и возможностей распространению собранных материалов.

— *Когда Вам стали известны списки Ю. И. Балабанова?*

— Мы познакомились в 1994-м году, но к этому времени я уже знал о том, какую огромную работу он проделал. Конечно, мы уже располагали некоторыми сведениями по захоронениям в полковых усыпальницах благодаря труду В. В. Антонова и А. В. Кобака «Святыни Санкт-Петербурга», который они создавали практически подпольно. Они начали работать где-то



Храм Прп. Сергия Радонежского в Царском Селе
в Фуражном переулке (Лейб-гвардии 2-го Стрелкового
Царскосельского полка)

в 1983–1984 годах, церковная тематика тогда была ещё под запретом. В частности, только в архиве на Псковской улице они просмотрели документы 450-ти православных церквей города. Кроме того, им удалось отработать немалое количество документов и по другим конфессиям. А Виктор Васильевич скрупулёзно собирал ещё и сведения о полковых усыпальницах Великой войны. Это была огромная и напряжённая работа, за которую Виктор Васильевич

в значительной степени расплатился здоровьем и жизнью. Он ушёл в возрасте 75 лет, оставив петербуржцам после себя свод утраченных святынь Санкт-Петербурга. И этот фундаментальный трехтомный труд, изданный в 1994–1997 годах, далеко не единственная заслуга В. В. Антонова.

— Виктор Васильевич Антонов хорошо известен в городе как учёный-историк, искусствовед, архивист, исследователь и православный христианин, много сил положивший на восстановление храмов города. Его обращение к теме исследования захоронений в криптах и нижних этажах церквей вполне понятно. А что подвигло обратиться к этой теме Ю. И. Балабанова, отставного военного, ранее никогда не интересовавшегося «забытой» войной? Получается, что он, не зная поисков В. В. Антонова, не будучи с ним вообще знаком, продолжил его труд?

— Юрий Иванович был коллекционером, собирал марки, конверты, не думал об архивной работе. Зацепила и подтолкнула к исследованию незначительная, по сути, деталь: как-то обнаружил в одном из магазинов небольшую коллекцию конвертов с пометкой «из действующей армии». Не размышляя долго, приобрёл весь блок документов. И вскоре понял, что в его руках переписка одного из офицеров Л.-гв. Егерского полка Сергея фон Штермберга со своей невестой. Он погиб в Польше 30 августа 1915 года и был похоронен в усыпальнице своего полка. Перечитывая его письма, Юрий Иванович очень близко к сердцу принял ту живую жизнь, которая предстала перед ним, ему захотелось вернуть из забвения не только имя Сергея Штермберга, но и всей петербургской гвардии, погибшей на полях сражений Великой войны. И он начинает свой поиск. Это можно

назвать призывом памяти. Война, оплаченная жертвенным подвигом соотечественников, не может быть забыта, да ещё и насильственно забыта, по прихоти новой идеологии. Необъяснимо открываются пути, на которые неожиданно призываются разные люди. В конечном итоге, и они совершают свой гражданский подвиг, положив свою жизнь на то, чтобы исправить ошибку и явить из забвения имена героев.

— *Это действительно гражданский подвиг, хотя совершается обыденно и не героически... Существует его неопубликованный очерк о Л.-гв. Егерском полке. В нём прослеживается и история штабс-капитана Сергея фон Штермберга, введена переписка с невестой. Мы надеемся в следующий раз опубликовать его. Он упоминает в очерке и усыпальницу полка как место захоронения погибших героев. Такие усыпальницы были у каждого полка накануне войны или их стали устраивать позднее?*

— Тела погибших офицеров с полей сражений принимали в основном Варшавский и Царскосельский вокзалы. Возможно, под впечатлением этих тягостных встреч храмы южной части города раньше других озаботились строительством и созданием военных усыпальниц. В общей сложности их было около десятка. Количество погребённых офицеров в таких криптах насчитывается от 8–10 и до 40 человек.

В начале войны, конечно, ещё трудно было представить, каким будет число погибших. Но вскоре скорбный поток с фронтов стал весьма чувствительным, и сама царская семья понесла горькую утрату на войне: от смертельного ранения 12 октября (н. ст.) 1914 года скончался Олег, сын великого князя Константина Константиновича (К. Р.). Отец срочно приехал в госпиталь г. Вильно (ныне Вильнюс), успел застать сына ещё в сознании, хотя ранение было очень серьёзное и началось заражение крови... Великого князя Олега похоронили не в Петербурге, а в имении Осташёво (под Москвой), где семья часто бывала, где провела несколько довоенных лет. Там была выстроена церковь, в ней и нашёл упокоение первый погибший воин царской крови. Позднее, когда пришли большевики, разграбили имение и уничтожили храм, крестьяне тайно перезахоронили тело великого князя Олега, благодаря чему его могила сохранилась до наших дней...

В Петербурге сначала хоронили и в оградах храмов (не только полковых),



Храм Св. Мирония
(Лейб-гвардии Егерского полка)

в склепах, находившихся под храмами, потом стали создавать усыпальницы, тем более, что с середины XIX века многие петербургские храмы имели нижние этажи, т. н. пещерные храмы (крипты). Их было около полтора десятков. В основном они уже использовались как усыпальницы (к примеру, Казанская церковь Воскресенского Новодевичьего монастыря, — в ней захоронено, как выяснилось недавно, около 200 человек).

Шефами ряда известных гвардейских полков были государь (к примеру, Преображенского полка), государыня (Уланского полка, Петергоф) и вдовствующая императрица Мария Фёдоровна («синих» кирасиров в Гатчине и кавалергардского полка). Эти гвардейские полки и поставили вопрос о том, что необходимо выделить компактные участки на кладбищах города и создавать полковые усыпальницы. В числе первых устраивается усыпальница при храме Св. Мирония Л.-гв. Егерского полка (наб. Обводного канала, 99). Был создан склеп в церкви Гренадерского полка Преображения Господня (Аптекарский остров), там похоронены 30–40 погибших воинов. Возникли усыпальницы в храме Св. Михаила Архангела Л.-гв. Московского полка (Выборгская сторона, Большой Сампсониевский пр., 61), в Св.-Троицком соборе Л.-гв. Измайловского полка, в храме Прп. Сергия Радонежского Л.-гв. 2-го Стрелкового Императорской Фамилии в Царском Селе (Фуражный переулок, 2). Возможно, немногочисленные захоронения были в крипте храма Л.-гв. Сапёрного батальона Св. бессребреников Космы и Дамиана (Кирочная ул., угол Знаменской), сейчас рядом с этим местом ст. метро «Чернышевская». Усыпальница Преображенского полка создава-

лась в ограде Преображенского собора. Существует её проект. И он осуществлялся, но до наших дней сохранилась только одна часовня. Усыпальницу начали строить достаточно поздно, в 1915-м или даже в 1916-м году, на 1917-й год она достроена не была. Преображенцев хоронили на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Л.-гв. Финляндский построил усыпальницу на Смоленском православном кладбище, около Московской дорожки, недалеко от знаменитого памятника финляндцам, погибшим от взрыва в Зимнем дворце при покушении Халтурина на императора Александра II. Много времени мы искали это место на той же стороне дорожки, что и памятник,



Храм Св. бессребр. Космы и Дамиана
(Лейб-гвардии Сапёрного батальона)

но нашли его на другой стороне. За многие десятилетия на место старого склепа пришли волной новые захоронения, из почти сорока погребений сохранились только два. Во Введенском соборе Л.-гв. Семёновского полка (Загородный проспект) нашли место своего упокоения около сорока офицеров.

— *Каковы судьбы усыпальниц? Сохранилось ли что-то до наших дней?*

Судьбы всех полковых усыпальниц, находящихся в городе, достаточно трагичны: почти все они или не сохранились или недоступны для исследования. Есть небольшая надежда, что откроется возможность увидеть неразрушенной и неразграбленной усыпальницу или хотя бы часть её в храме Л.-гв. 2-го Стрелкового Царскосельского полка Прп. Сергия Радонежского (Царское Село). Там сейчас идут ремонтные работы. Списки захороненных у нас есть. Троицкий Собор Л.-гв. Измайловского полка можно было бы считать благополучным в том плане, что и сам собор не разрушался, и крипта сохранилась, но о судьбе захоронений нынешнее духовенство ничего не знает. К сожалению, никаких надгробных памятников, обелисков, могил тоже не сохранилось. В крипте устроена, кажется, трапезная. Захоронения в ней никто не исследовал. Было сделано лишь осушение подвала. Схем захоронения нет, но мы знаем, что это юго-восточный угол, ближе к Измайловскому и Троицкому проспектам. И это пока всё, что у нас есть.

Сохранился и храм Преображения Господня на Аптекарском острове, хотя с большими утратами и повреждениями. В годы Второй мировой войны здесь располагался штаб командующего Балтийским флотом адмирала В. Ф. Трибуца, рядом с церковью был построен бункер. А нижняя усыпальница с захоронениями была залита бетоном. В храме Св. Михаила Архангела (Л.-гв. Московский полк) были захоронены 10 офицеров. Его закрыли в 1923-м году, в 1930-е годы капитально перестроили в стиле конструктивизма, т. е. от прежнего вида ничего не осталось. С усыпальницей храма Св. бессребр. Космы и Дамины тоже всё достаточно сложно. Дело в том, что храм закрыли и снесли перед войной, в 1940 году планировалось строительство метро, но вскоре грянула война и планы резко поменялись. Но ещё в 1930-е годы около храма с двух сторон построили две школы, храм был



Храм Св. Михаила Архангела
(Лейб-гвардии Московского полка)

прямо между ними. Сейчас между ними спортивный корт. Это значит, что фундамент храма и усыпальница под кортом. Судьба захоронений неизвестна. Но там, кроме могил погибших офицеров, должна быть и могила Николая Карловича Шильдера (1842–1902), знаменитого русского историка, генерал-лейтенанта, участника Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, известного историка и директора Публичной библиотеки.

— *Возможно, это и есть веский повод вскрыть корт, чтобы попасть в крипту, перезахоронить останки Н. К. Шильдера и офицеров?*

— Не думаю, что это правильный ход. Мы договорились сейчас с руководством двух школ об установке креста за кортом, т. е. за алтарной частью храма, а на двух улицах будут выставлены информационные щиты с краткой информацией о храме, о захоронениях в его крипте. Думаю, что в скором времени можно будет ставить вопрос о восстановлении храма. Но надо дать людям осознать эту необходимость, надо помочь им узнать больше о храме, о судьбах тех, кто захоронен под кортом, о том, как они служили нашему Отечеству. Такое знание обычно формирует правильное сознание, и люди зачастую становятся соратниками и помощниками восстановления исторической памяти.

— *Удавалось ли Вам добиться такого сознания от чиновников города, случилось ли изменить положение на бывших мемориальных местах к лучшему?*

— Конечно. Сняли же мы мойку машин, которая была устроена на месте крипты взорванного в 1934-м году храма Св. Мирония Л.-гв. Егерского полка (Обводный канала, в конце Рузовской ул.). Но чего это стоило! Несколько лет назад равнодушные люди сообщили нам, что там работает экскаватор и в грунте много человеческих костей. Ведь в 1934-м году храм взорвали вместе с погребёнными там офицерами. Лишь некоторые сумели перезахоронить своих родных на Волковом кладбище: семья князей Бориса и Вадима Оболенских, подпоручика Николая Дзюбандовского II, все остальные там. И штабс-капитан Сергей фон Штернберг, о котором говорили выше, там.

— *Есть ли такой полковой некрополь, о котором можно сказать, что тут сделано всё возможное?*

— Думаю, можно считать таковым положение на месте разрушенного Введенского храма Л.-гв. Семёновского полка. Когда-то на пустыре, образовавшемся после сноса храма, разбили образцово-показательный сквер, который выглядел в разные годы по-разному, когда — более ухоженным, когда — менее. Конечно же, неподалеку был туалет. Место требовало восстановления памяти о храме. К семёновцам советская власть относилась с особой ненавистью за многие их «провинности», но в 1933-м году при

сношении полковой церкви были обнаружены запрятанными 32 полковых и батальонных старинных знамени полка, 24 винтовки и несколько ящиков с боевыми патронами. В склепе этой церкви на гробе одного из видных деятелей полка было обнаружено полотнище боевого знамени полка. Против офицеров было начато следствие, их обвинили в создании контрреволюционной организации. Это было известное ленинградское дело «Весна» (1930-е годы). Все офицеры, попавшие под подозрение, были репрессированы и расстреляны. Так власть расправилась с последними гвардейцами-семёновцами. В упоминаемом склепе во имя св. священномученика Иакова с середины XIX века похоронили троих полковых командиров, скончавшихся в бытность свою на посту, а в XX веке — троих солдат, погибших при подавлении беспорядков в Москве, и сорок офицеров, павших на поле брани Первой мировой войны. Имена их нам известны благодаря трудам Ю. И. Балабанова.



Введенский храм
(Лейб-гвардии Семеновского полка)

— *Как быть с теми мемориальными местами, где уже давно стоят новые строения (технические или жилые) и ситуацию не изменить? Какими там могут быть знаки памяти?*

— К примеру, на Знаменской площади (ныне Восстания), на месте разрушенного храма теперь стоит здание метро. Мы установили там памятную доску, как и на месте снесённого Сергиевского храма (сейчас там бюро пропусков т. н. Большого дома). Где-то можно устанавливать поклонные памятные кресты, где-то надо просто просветить людей и просить их разбить клумбу, высадить деревья на месте, где было захоронение, но не устраивать там стоянки автомобилей или, хуже того, помойки.

— *Почему Вы начали заниматься поиском и сохранением утраченных могил? Что послужило началом?*

— Можно сказать, что повлиял незначительный случай, но мы же знаем, что ничего случайного не бывает. В моём детстве в нашей семье одна дальняя родственница Екатерина Алексеевна Вишневская прекрасно пела и знала много старинных песен. Мне запала в память одна песня, я помню

её до сего дня, хотя после смерти родственницы никто её больше не пел. Позднее я понял, что песня о времени Великой войны, исполняла её известная петербургская певица начала XX века Мария Александровна Эмская. Она похоронена в Лавре, памятник на могиле достаточно приметный, стоит у входа на Никольское кладбище. Её муж был владельцем записывающей петербургской фирмы «Граммофон» и фамилия его была Богемский (отсюда псевдоним певицы). Песня 1915-го года, её любили в годы войны, называлась она «На поле сраженья»:

Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался,
И грохот безумный пошёл канонад.
Над нашим отрядом снаряд разорвался
И началась битва, и стоны, и ад.

Вот прапорщик юный со взводом пехоты
Старается знамя полка отстоять.
Один он остался из всей полуроты,
Но нет, он не будет назад отступить.

— Эй, братцы, в штыки! Здесь пощаде нет места!
Отрадно за Родину нам умирать!..
А в городе дальнем молилась невеста
И слёзы роняла: спаси Божья Мать!

Вот кончился бой. Вся земля покраснела.
Врага мы прогнали к далёкой реке.
И только наутро нашли его тело,
Но знамя сжимал он в застывшей руке.

Когда ж пред невестой вся правда открылась,
Она в лазарет поступила сестрой.
И часто на братской могиле молилась...
Вечная память и вечный покой.

Вот такая песня... Но ещё большую роль сыграло то, что участники Белого движения, к которым бытовало всегда и сохраняется донине очень уважительное отношение в нашей семье, были участниками и Первой мировой войны. Конечно, поначалу я мало что знал, но имена барона П. Н. Врангеля, адмирала А. В. Колчака, генерала Н. Н. Юденича уже были на слуху. И началось наше движение по разысканию и восстановлению могил именно на местах боевого пути Северо-Западной армии. В Ямбурге по линии Русского Обще-Воинского Союза начал свой «крестный марш» Сергей Геннадьевич Зирин. Мы занимались помощью в восстановлении церкви в Ложголово (Сланцевский р-н, бывший Гдовский уезд), и наши пути

сошлись. Сначала там поставили поклонный крест, второй такой крест был поставлен в с. Скамья на месте расстрела офицеров Северо-Западной армии. Местные жители, наблюдая нашу работу, стали помогать нам в поисках заброшенных могил, передавали сохранившиеся свидетельства о расправах над белыми офицерами.

— Не кажется ли Вам, что Вы для общества — «странные люди», которые живут прошлым, что массового обращения современных молодых людей к теме уже «забытой» войны не будет? И даже, наоборот, общество всё дальше будет «забывать» и охладевать к памяти её героев и жертв?

— Да, «странные люди», такими мы выглядим обычно для кладбищенской городской администрации, которой важно иметь доход с места на кладбище и не поощрять восстановление «бесхозного» захоронения. Кто лежит в могиле, для них безразлично. Но «странные люди» к удивлению администрации умеют стоять за чужие могилы, у них есть поддержка, они не бросают дело на середине. Администрации городских кладбищ уже приходится с этим считаться. То, что «забытая» война может быть забыта ещё раз грядущими поколениями, так в этом ничего особенного нет, таково свойство памяти и действие времени. Но, думаю по своему опыту, что всегда останется какая-то, пусть даже незначительная, но достаточная частица для того, чтобы память возобновилась. Нашему поколению было нелегко доставать из-под глыб забвения и запретов знания об уничтоженной России. Понимая это, мы спешим восстановить могилы, имена героев, издаём книги о полках Русской гвардии, заполняем найденными архивными материалами сайты в интернете. Мы делаем, что можем, а что будет дальше — то пусть и будет.



Мария Александровна Эмская, († 1925),
известная певица начала XX века